

Андрей ПОЛЯКОВ (Симферополь, Крым, Украина)

ТАВРИЧЕСКИЕ НОЧИ.

Урожай стихотворений о Крыме – внешнем и внутреннем

Светлой памяти Константина Николаевича Батюшкова, Константина Константиновича Вагинова, Бориса Юлиановича Поплавского, а так же их родных учеников

*Нырнул в Крыму в летейскую прохладу –
под листопадом роз Андрей в слова играл,
и, словно призраки со всех концов Союза,
сквозили зрители...*

ПИСЬМО

*...ни зрением тебя ни увидеть,
ни бессловесной музыкой потрогать,
где в золотых, как счастье, волнах
есть что-то христианское, пустое...*

Привет из Крыма! Я уже бессмертен.
Сейчас – не так, а по ночам почти
уверен в этом. Странные заботы
меня одолевают. Как-то всё
неправильно. Непрочно.

Сокрушаясь,
я вышел с папироской на балкон.
Над кровлями курортной Фиваиды
воинственные крались облака,
готовые пленить нефелибата.
Безумный Понт витийствовал. И здесь
риторика! Преизбыток Понта.
Переизбыток писем на воде.
Тебя им не достигнуть: расстоянье
обкрадывает даже сны...

Не спать,
но пить. С другой и за тебя. Так долго,
чтоб постарело сердце. Чтоб всерьёз
полакомить голодную Эрато
смятеньем, страхом, жалостью, виной,
как будто что-то кончилось...

Как будто
прощальный факел слишком начал.
Как будто плоть достойна певчей книги.
Как будто стыдно обронить слезу,
бежав из-под бульварного ареста
туда, где благородная листва
не трижды облетает в эту осень,
где, верю, город лучший и чужой,
где, если замерзаешь, дорогая, –
в парадных стой, где воздух воспалён,

чуть греет ключ – и светятся ступени.

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

EPISTULAE EX PONTO

Михаилу Сухотину

«Дорогой Поприщин, – пишет подруга, –
ненаглядный, милый, родной, любезный!
Здесь, в глубокой Ялте, под сенью Юга
левым боком выходит мне век железный.
И пылится тополь пирамидальный,
и грузин с улыбкою феодальной
провожает взглядом одну москвичку...
Ты ж, моя любовь, перешёл в привычку».

«Дорогая подруга, – пишет Поприщин, –
ненаглядная, в смысле – не глядя, что ли?
век железный в сумме магнитных истин
плюс кладёт на минус, как учат в школе,
столь, бля, гулко, столь, бля, пирамидально,
что вассал с улыбкою вертикальной
пусть брюнетит взглядом одну блондинку!
Ты ж, моя душа, перешла в картинку».

«Дорогой Покрышкин, – пишет Подруга, –
дорогой, уважаемый, милая, но неважно...
Как дитя здесь плачет скифская вьюга,
а чекист чекисту твердит: – Не ваш, но
и не наш город Томис в устье Дуная,
жаль, воды зачерпнуть нагая Даная
не успела, ибо, совдеп ругая,
пала жертвой мossaда и самурая!»

«Догорая подруга, – Пашет панфёров, –
это ведь я написал календарь-шестикнижие Фастов,
этот недавний мой труд для тебя написанный, цезарь,
этим и многим другим твоё божество заклинаю,
это посланье моё писано болен я был
этой причина беды даже слишком известна повсюду
славой моим ли стихам иль твоей любви я обязан
парус на диво большой ставил и я иногда

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

СТРОФЫ

Е. К.

Севастополь размытый, нечёткая Керчь,
самописный журнал парадигма...
Корешками шурша, извлекается речь
из развалин бумажного Рима.

То ли кроткая ревность к печатным шрифтам
образумила цанговый корпус,
то ли флейта камни пришлась по губам,
то ли ксерокс пустили на хронос.

Всё равно, выползая на свет из руин,

не признает авзоний окрестность.
 Чаадаев, Дасаев, Кенжеев, Блохин –
 где футбол, милый брат, где словесность?

О, Давид, нам твоя пригождалась праща
 корреляты долбить из-под спуда!
 И тупился язык новой брани ища,
 и сдавалась без бою посуда.

Но предчувствуя привкус грядущих чернил,
 занимая в кармане троячку,
 с бодуна на дорогу один выходил
 может строчку ловить, может – тачку.

Смутно помню филфаковский сатириконт:
 буквотерпец и виршедробитель,
 отрицая нагноканный Бродским закон,
 показал мне *такую* обитель!

Ничего я о том не умею начать
 ни заглавную, ни прописную.
 В сотый раз, собираясь «растак твою мать!»
 пожелать ей, шепчу: «Бог с тобою...»

(Опубликовано в журнале «ШО» № 1-2 (15-16), январь-февраль 2007)

Из книги «СТИХИ О СМЕРТИ И ЛЮБВИ»

1. *Ветер теплеет – светлеет река*
2. *Смерть неизбежна – любовь нелегка*
3. *Бог ничего не изменит*

В честь воды называю траву – рекой

*...братия вечера возле косматой воды
 (яблоки осени и
 золотые сады)
 там, где скажу тебе вещи о синем пороге
 о дочерях против сердца, о Боге, о Боге
 Вытяни тело, похожее сверху на дым
 в линию берега возле плывущей воды –
 видишь как боги бегут, закрываясь руками?
 это ли родина? или трава между нами?*

К примеру, Авель: что ходили
 и лунный след в лицо ловили
 Длина лилась одной реки
 где холмы, тёплые ночами
 где мы (как яблоки легки)
 на берег бережно легли
 чтоб реку чувствовать плечами

Мы говорились у реки...
 Как травы осени, частями
 темнели родины под нами

Тавриды крыльями совы
шуршали с каждой головы

(Опубликовано в журнале «Воздух» № 3, 2007)

Надену ладанку и чёрную футболку

*На скорости воды, выравнивая вниз как будто
как шагов неслыханные шубы, по улицам скользит
последний символист под спящий шум дождя, как
в зеркале, бесшумный. Зачем бы в сотый раз
германские дубы, ведь всё и так шумит и кружится
немного? Чтоб мы над Мандельштам смыкали наши лбы
над книга-петроград и строчка-недотрога. О, не печаль
печатать, темней чернил и слёз! Бог будет говоря, по имени
Мнестрашно... Важнее досмотреть на зеркале всерьёз
как дождь в порядке слёз – мажорно и протяжно
Но светел человек под водяным стеклом: есть ласточки
и чай, и царские чертоги, где все, кого он вёл своим
глубоким сном, в щастливой нищете беседуют о Боге*

Нет, не луна по стёклышку любима, любимая стеклянная
луна: когда лицо вода проносит мимо, как тень воды
бегущая от дыма, в уста змея вползает из луча – да-да
змея вползает из луча!

Что ж, подержу во рту немного мифа, признаю в телевизоре
его, чтоб дольше спать, чтоб грудь больной богини
теплела мне у Климта и Дельво

Не чешуи «февраль» полунедели, не ветер «март»
ударивший хвостом, а милая луна в моём прольётся теле
как осень осени, как сна пустой восток

На стогнах Ленина в футбол сыграют дети и песни красные
то спляшут, то споют, что есть любовь листвы к земли моей
планете и время сентября желтеющих минут

А я погоревать о якоре и плуге, где реки длинные
раздвинуты луной, скользя в ночи волнистою подругой
когда-то глупой, светлой и большой

О, незачем молчать, что всё проходит, что будет
Бог, а мы с тобой, сестра, поедем ли в автобусе, как боги
как ездили в постели до утра?

Воде полезны грозы и стрекозы! жаль, не могу
с ногами в Коктебель, изобретая ангелам заказы –
коньяк, лимон и милую в постель

Но женский дождь, подкрашенный водою, и слабых губ
молочное вино, волна невесты (или там студентки)
не утолят из мёртвых никого

Ахейскими как если кораблями исчезли

затонувшие венки, и берега занесены песками
и высохли, белея, старики

Среди отцов, как скифы непокорных, среди городских
количества Камен я поверну своё сухое горло
к сегодня слов классическим венкам

Надену ладанку и чёрную футболку, перекрещусь
одной из этих рук, и поплыву, приподнятый как знамя
на пиршество (непонятых) подруг

(Опубликовано в журнале «Воздух» № 3, 2007)

А мы спешим бессмысленной толпою

*Светят лица, блещет золото –
мы спешим толпокрылато
дабы в небе голубом
был готов и дым, и дом*

В лицо вдохнуть ли дыма дуновенье, русалку
на фарси перевести, поближе к левой лодочке-ладони
переложить ли жёлтые цветы?

Нет, не хочу ни тучную Ларису, ни крупных тружениц
картошки и борща, ни белой глубины полезного кумыса
грибницы в бороде и в кушнере плаща

Ни пачки дыма с травами измены, ни ноги низа
пишущих подруг, ни общих зданий пышные громады
не позовут ни в ночь, ни поутру

Но привлечён воскресною погодой, явлением дождя
сквозь облаков, движением ветвей, звучаньем птицы
губой своей, прозрачной, как вино

В ней берег Крыма с синими краями и золотой балканский
алфавит, и ласточки, кричащие стихами, и «Остров мёртвых»
в кипарисной раме, и бедная от холода Лилит

И яблоко. Что делать с этим кладом?.. Ты даже Тютчеву
не рад, но страшно чувствуешь как дышит рядом-рядом
теологически чернеющий квадрат!

Подруга строгая грызёт тебя, как брата, а сбоку –
облако в окно, а ночью – Греция, и думаешь куда-то:
«О, как мне ласково, прекрасно и темно!

Нырнул в Крыму в летеюскую прохладу –
под листопадом роз Андрей в слова играл, и, словно призраки
со всех концов Союза, сквозили зрители...»

Но царь Андрей с машиной обвенчался, как будто меньше
родина, чем дым, где из развалин (цветом белокровных)
мы вышли к недостройкам городским

И вот скользим по набережным края бессмысленной
и праздничной толпой, по золоту друг друга оклика
мерцающему в каждый выходной

Пусть пастырь с песней, старящей как свечка, поднимет
хлеб ребёнка на руках, и золотой муки прикосновенье
напомнит о каких-то облаках?

(Опубликовано в журнале «Воздух» № 3, 2007)

К закату улица напомнит

*...словом в стихе
(словом с деформированной семантикой)
поклонись на песке, на улице, на руке...*

К закату улица напомнит
закладку цвета стрекозы
акаций полный подоконник
песок солёной полосы

На вечер дом семиэтажный
где убежало молоко
как будто парусник бумажный
в тетради двинется легко

Туда, горбатая для Крыма
от кровель красной высоты
подкинет бывшая Камена
прощальноюжные цветы

Большое зеркало природы!
вороны отразятся в нём
нешумных ящериц уроды
за вавилонским журавлём

А там, где тёплые ладони
под журавлиный лягут клин
твой слепок с места не потонет
в провале гипсовых осин

Там Лотман тень твою толкает
в горячий ветер букваря
и на усах его сияет
птицевечерняя заря

Там рядом дети учат в школе
законы чтенья и числа
чтоб голова на тёмном поле
автоматически цвела

Как дети с маленькою тенью
с изнеможением в кости
навстречу зимнему владенью
мы станем в зеркале брести

Давай пойдём с лицом бескровным
острее рыбы на песке
по ледяным хрустящим зёрнам
зима в зиме, рука в руке

Так ходит осень, как хотела
в древесном золоте своём
чтоб горло птицы не пиздело
а пело – мёдом и огнём

Но только тот болтун от Бога
кто любит твёрдые уста
кто к рыбе клонится глубоко –
отредактировать Христа

Кто ходит с Кришной, кто с Давидом
а ты, гуляя-под-крестом
перешагни свои обиды
на птичьем языке пустом

Ты каждой тенью ходишь к Богу –
не кровь твоя, а призрак твой
даст речи в сумерки дорогу
за Елеонскою горой

Всё называется: и снова
сестра, крылатая как брат
тебя под локоть взять готова
в печальноговорящий сад

Но человеческой богини
уста от золота тверды
хоть двести лет в её кувшине
не слышно ябеды-воды

Но есть ещё иная сила
в открытой призракам груди
что птичий свет переместила
к блестящей рыбе впереди

Есть вещи с длинными глазами –
они за нами проследят
когда блеснём под небесами
в прошедшем (времени) назад

Зачем же, блядь, такая тяжесть
древесно-мраморной руке
что птичий свист однажды свяжет
с нелётной рыбой на песке!?

(Опубликовано в журнале «Воздух» № 3, 2007)

Мы с тобой говорили о Боге

*Умные люди глядят на восток –
Боже, пожалуйста, будь к ним жесток!*

...до конца вавилонского плена
я не вспомню, зачем
стольких слов получается Лена
в говорящей свече

...мы чуть-чуть говорили о Боге
я блеснул, что Бердяев – трамвай
где тебе, небогатой подруге
христианский понравился рай

...ты случайно сказала Шестова
разбирая машину стиха
там, где в сон погружаются снова
слово «слово» и слово «стиха»

...что хотели мы: требу ли, дыбу –
не умели, как солнце, хотеть
со статиром не тронули рыбу
не лизнули библейскую плеть

...значит, встанем на жёлтом закате
на таврически твёрдых холмах
подменяя ворону в тетради
птичьим пеплом в руках-дураках

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

Умер Пан в Севастополе

*...под знаменем Ленина воду летейскую пить
и тайные песни про бога с копытами петь*

I

Холмы становятся жёлтыми, с них сухо трещит трава
(камни голых голов в неподвижном потоке солнца)

Мы ступаем тень в тень, повторяя себя в шагах
Чайка медленных крыльев держит в воздухе блеск металла

Освещённое сразу море цвета тысячи рыб
Двойка бабочек, запутавшаяся в нитях полёта

Запах соли на коже, которой мы загорим
и убывающий, как СЕЙЧАС, пастушеский ветер

II

Умер Пан в Севастополе, в дальний отсюда день
в сине-светлом облаке, в пыльно-плывущем небе

в тишине советских, советских, советских Муз
ничего не запомнив ничего не запомнив

(Опубликовано в журнале «Критическая Масса» №1, 2005)

Смотри как падают звёзды

Для кого-то Поплавского
это не город, а дым:
он сюда не вернётся, а я
не уйду молодым

I

Давай, представь, что мы умерли, что нас
больше нету. Меньше нету, да и вообще нас
нету. Это нужно читать, это нужно не улыбаться
Наши девушки выдержали субботу, встали замуж

медленно помутнели. Поезда ушли на последний север
корабли, как яблоки, утонули. Но и ты, мой враг, ничего
не вешишь, но и я, твой друг, только четверть дыма
Знаешь, Музы Богу не помолились, вышли ночью

в золото превратились, чтобы тщетно сниться
и тратить книги, чтобы жалко их – и нельзя за ними

II

Давай, что всё кончилось, всё уже не вернётся
что везде будет поздно, по всему будет поздно
Вот город Эфес, где его на карте? Да и Александрия
не та, что раньше. А Симферополь всегда был

городом смерти, если «город» и «смерть»
не одно и то же. Распад, распад, любимый начальник –
ворон, любимый художник – Бёклин, любимое
дело – осень, любимая влага – чёрный кагор

поэт – Поплавский, часть тела – почки, они
больнее и чаще, чем все остальные части

III

Давай, что мы дети, бывшие европейцы:
наши тела мерцают – их горький ветер колышет
по берегам Дуная, Сены и Ахеронта. Кто
полюбил Европу, тот позабыл Европу, тот

разучился плавать – волком, быком, лисицей
Наши слова бесплотны, наши стихи прозрачны:
смотри сквозь мои на запад, смотри сквозь мои
на город, смотри как падают звёзды над статуями

героев, над кладбищем и заводом, над больничными
корпусами, библиотекой и теннисным кортом

(Опубликовано в журнале «Воздух» № 3, 2007)

* * *

Вплывает битловатая гитара, а мы дышим и видим Коктебель, приобрета
в гостинице товары: буддийский чай и христианский хмель. Пеихен не
найти в приморском парке на празднике светящихся вещей, где любят
шелестьящие подарки, заплаканных, как братья, тополей. С античной
юности жестоко обездолен, там каждый руку жжёт, как тонкую свечу.
А я... Я сам — болтлив, Андрей и недоволен: я денег долларов и девушку
хочу. Но кружатся стрекозы слюдяные, горчит переведённая вода и на
бумаги наши дорогие роняет крылья красная слюда. Христос, как
человек китайской прозы, осенний свет рассеивает тут... Читай, Господь.
Буддийские стрекозы на крыльях кровь Твою — не унесут.

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

Из цикла «ПРОЩАНИЕ»

2.

Библейская пыль золотая лежит, как жена молодая. Куда-то стоит кипарис
над лентой, похожей на Стикс.
Где родина каждого дома? где красные крыши Содомы? Твой ангел висит,
невесом, над Стиксом, похожим на сон.

Советская соль золотая блестит, как волна нежилая. Собою стоит кипарис
под ветром, похожим на Стикс.

Свети, пионерская песня, чтоб стало нам спать интересней, чтоб дети
~~вчерашней~~ страны смотрелись в библейские сны!

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

3.

Любил присниться в комнате чужой
сквозь сонмы сонных ласточек летящих.

От слова «полночь» почернел язык,
но под рукой твоей светлела дева.

А тот, кто ты — молился в теплоте
за лёгкий хлеб, за умершего Бога,
за книги в человеческой тени,
за бабочку-свечу немолодую,
дремал сквозь сон
и просыпался — спать,
как пьяный между Стиксом и Салгиром.

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

Из цикла «ХОЭФОРЫ»

I

Снова у моря живу, ласкаю мёртвые книги,

слышу движение злаков в моей непогасшей крови.
 Знаю – встанёт на лицо тень неблизкого Бога.
 Сладко и совестно мне так обратиться к Нему:

– Пастырь годов многострунных, вьелся в печень прах Вавилона.
 Воздух Ассирии где? Где Иудеи шаги?
 Тщетно в сетях человечьих буквы Твои попадались, –
 страшные буквомечи, редкие буквокрюки...

В день появления воскресный сел я на камень прямее.
 Родина жёлтая, Крым, или я вижу стекло?
 Неосторожен во всём, книгу прикрыть не умея,
 сплю я напротив себя. Тело за спину ушло.

V

Да, по-немецки звать листает тьма пустая
 на смертном западе, в местах святых машин:
 незанятой рукой камени оплетая,
 от роботов куда зарой талант большим?
 А льётся кипарис и тонет стон гитары,
 что можно с девушкой увидеть Коктебель,
 где море-андрогин и остальные пары,
 и ночь ложится в речь, как в гроба колыбель...
 Неверующий Бог всему тебе ответит –
 на мёртвой площади, за полночью пустой
 живая лира бьёт и, отцветая, светит
 пеплошумящей чёрной желтизной.

XIV

Кто на развалины дачи покойного Пана?..

Труден в Аркадии нашей особенно вечер:
 музыка мёртвого бога шипит под ногами,
 в душной траве обвивая холмы золотые,
 Хлои щека наплывает и тянется блеском
 влажным, родным... но не блеском глаза прополощет.

Видел и я свою кровь через тихие веки, –
 долго смотрел, и любовь мне казалась медузой
 там, на закате, в клубящейся комнате зыбкой...
 Вещи двоились, и зеркало смутно вращалось.

Я понимал: разбежимся; уже для другого
 Хлоя начнёт ниспадать в убывающем свете,
 зеркало тронет лицом – и посыплется стёкла!
 дёрнется камень, последний подарок медузы...

Камень понравится Хлое: она его спрячет
 и никому не отдаст, никому не расскажет,
 станет одна баловать, и ласкать, и лелеять,
 гладить его, прижиматься – счастливая Хлоя!

Муж её будущий не осознает убытка –
 он ведь не ходит за нами, не молится с нами
 стен среди рухнувших дачи великого Пана...

Пусть же приснится тому, кто ни разу здесь не был,
 низкий бесшумный полёт над священной рекою,
 встречные души, подземное слабое небо

и отражение девочки с тёплой щекою.

*(Цикл «ХОЭФОРЫ» опубликован в книге «Для тех, кто спит». М., Новое
 Литературное Обозрение, 2003.)*

Из цикла «НАД ПОСЛЕДНЕЙ ВОДОЙ»

Ночью

Припомнил волну говорящей
 под белой и милой Луной
 и шёлковый берег Тавриды
 и детство ночью порой
 Стояла вода золотая
 где Пушкин летал над водой
 классически рот раскрывая
 как будто он рыба живая

как будто он вечно – живой

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СОНЕТ: 1822

*...и теплохладные Хариты
 венчают тлением черты
 того, кто скифские цветы
 среди своей увидел свиты.*

Я знаю, Батюшков, ты выйдешь не один
 Из летней осени, из переплеска вёсел,
 Из лёгких сумерек, приподнятых, как дым,
 Из Симферополя...

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

ТЕПЛОХОД

мне прозвучать собираюсь что надо
 лучший язык на врагах ленинграда
 длинный как тень языка
 что же, языки, рванём до упада
 или почешем пока?

как бы не нас приговаривал Бродский
 жадно растрачивать стих идиотский
 на, извиняюсь, хуя?
 дактиль волнительный, шёпот приморский

чей-то в стихах чешуя

Рыбную слизь самодельного слова
через обложку слизала Корова –
тихая Муза моя
Первое Слово не суше любого
в синем Дому Бытия!

Есть мне свидетель одна не такая:
он говорит, что её языка я
вряд ли понять разберу, –
молча глаголом глагол протыкая,
в рот протыкаю дыру.

В мокрой моей биографии нашей
Ленку наречь по соседству Наташей –
это ли столько мечтать?
если словесной, вот именно, кашей
всех получается звать:

*«Возле звезды, осветившей заумность –
Влажная область, неверная жидкость,
Сон или, может быть, сон...»*

*Русский не Бога боится, а смерти,
Крымский не верит обещанной тверди –
Хляби с обеих сторон.*

*Вспомнил читателя, вспомнил Елену,
Берег бумажный, чернильную пену,
Зримого пепла щепоть.*

*Круглое взял ты у берега света:
Око, обол – торопливая лепта
Мёртвому в мёртвую горсть.*

*Всё ничего у тебя не осталось.
Дух воплотился, чтоб тело распалось,
Чтобы в бессмертии – смерть.*

*Если ж и впрямь остаётся часть речи,
Что тебе в том?..*

*Грозно дышит навстречу
Грузная, твёрдая ТВЕРДЬ».*

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

Из цикла «ЭТИ АНГЕЛЫ, РЫБЫ И ПТИЦЫ»

Второе

Что речь свою, как кровь, заговорил –

в солоноватом треугольном шуме
я на вокзал ногами выходил
и повторял, что Бог ещё не умер

Что ангел крови, спящий-навсегда
вернулся в рай с открытыми глазами
что шелестела красная вода
среди друзей, наполненных словами

Я слушал кровь, я вышел на вокзал:
печальный ветер царствовал с разбега
частями крыльев Крым меня встречал

и голосами – детскими – от Бога

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

ЭЛЕГИИ НА СЛУЧАЙ

*Прозрачная родина в ветре пустом –
о ней упомянем передним числом.*

I

Игорю Сиду

Прости мне, бабочка, наперсница души,
о, энтелехия, летающая всюду, –
тот, кто витийствовал в столь варварской глуши,
тот лёгок был, как ты, а я уже не буду.

Здесь, Капитолия и Форума вовне,
позвав капустницу Мариной или Светой,
карманы вывернув – ни звука о вине! –
стою, расстроенный, с потухшей сигаретой.

А крови красный гул волнует пизэрид,
сиреной кажется, что слух ночной смущает.
С акцентом греческим комар вокруг звенит,
и жить торопится, и тоже исчезает.

Не зря в собрании один еkkлесиаст
– Всё суета, – сказал, – что рифмой не спасётся,
но за молчание никто вам не воздаст,
а слово бедное и так не отзовется...

II

Михаилу Айзенбергу

В России ветрено, в Израиле – темно,
но, постепенно холодея,
прекрасно в нас влюблённое вино
провинциального морфея.

Ни денег выручить, ни жажды утолить...
Да ладно, говорю, не надо!
Слепую дудочку в колене преломить
я обещал тебе, Эллада.

И спьяну выполнил сей варварский обет –
 ни слога более, ни звука.
 Тяжеле бабочек и выше пирамид
 А. П. Квятковского наука.

Зачем же слышится мне песенка одна,
 когда из верного стакана
 спешит амфибия домашнего вина
 резвиться в сердце меломана?

В кошачьем дворике унылою порой
 стакан за лавочкой припрячу...
 Ни слова более. Эвтерпа, я не твой.
 Прощай! Я ни о чём не плачу.

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

Из цикла «ПОСЛАНИЯ ПРЕКРАСНОЙ С.»

*Подруга древняя за Бога виновата –
 сгорела родина в крови...
 Ты любишь родину? Вот так и я когда-то
 любил предмет любви.*

3.

в ближней точке местности та же даль
 и намёк на ангела или чёрта
 а в ялте белый цветёт миндаль
 и буксир кричит выходя из порта

магомет ходячей лишён горы
 мерит на глазок крутизну эпохи
 а в москве хватает своей муры
 не дороже слава не крепче кофе

то ли спать пойти то ли так сидеть
 вырывая строчки поодиночке
 из той точки пространства куда глядеть
 может только женщина в этой точке

4.

я приехал в ялту и пил вино
 и нашёл тот двор где цветёт миндаль
 на дворе трава на траве бревно
 под ногами небо а в небе сталь

я был счастлив как некогда и всегда
 не томили меня ни *amor* ни *mort*
 и кривую пасть не рвала узда
 и буксир кричал покидая порт

близорукий взгляд вездесущ во сне
но нельзя спасенье менять на глаз
если ж Вы не вспомните обо мне
обещаю сделать это за Вас

(Опубликовано в книге «Для тех, кто спит». М., Новое Литературное Обозрение, 2003.)

**ИЗ ПОЭМЫ «НОВАЯ ЭЛЛАДА»
(Чёрная тетрадь)**

Евгению

*Тетрадка, непонятная внутри, живёт
с красивым шелестом на свете, где я затем,
быть может, не умри, что сочинил стихи –
хотя бы эти!*

Глава 3

Бывает бывшая в разлуке велика
мечтая сердце высказать оттуда
но встретит дерево, которое каштан
и перекрестится – как будто, что за чудо!

Таврида зиждется на призраках блядей
на их задов блистающей границе
пока не кормленный подругой грамотей
грызёт тетрадь, которая нам снится

О, механически звучащий человек
ты отделён от Бога запятою
где между буквами
разболтанный язык
шевелится, как море дорогое!

Там ходит спящая, как четверо детей
(в тепле красавицы подвижно платье плоти)
и полночь зыбится, и девушке моей
приятен стих в немецком переводе

А УТРОМ: человек у берега забыт!..
Хотел поговорить, но понял – из Тавриды
не стоит ждать сестёр с губами nereид
с ногами длинными, как проплывают рыбы

Глава 6

Ковчег Провайдера уносит на восток
прозрачно чёрные страницы
Ему без разницы:
«стишок» или «стежок»
иль «делать-ничего» девица

Я помню лучшую, которая плыла
в прибрежном воздухе овальном
Я знаю ангелов, кативших зеркала
на свет в лице её прощальном

Чтоб тьма семантики спустилась на меня
я сделал родине рукою
но Муза русская, как некая Змея
скользит всем холодом за мною

Державин с Пушкиным гуляют по холмам
горят крылатыми ногами
открыткой бабочки показывают нам
вино и воду между нами

Зачем же, умная, водою, нет – вином
ты проливалась и мерцала?
Звеня цикадами, на пастбище морском
за что мне горло развязала?

Спасибо, тёплая, за праздник дорогой
где Аполлон ещё играет
на лире фирменной
и дни мои считает
и смерть, как девушка, привстала надо мной!

Глава 7

Но удивлён я Музою моей...

Под тишину вечернего заката
вот ангел, шелестящий за столом
вот борода и я (сидим напротив)
Мы говорим о кто куда уехал
о пальцах на окраине руки
в которых есть недлинные бокалы
наполненные видимым вином
какого-то снотворного портвейна
чтобы занять у времени на час
то темнотой блеснувшую Европу
то Иордана жёлтые берега...

Да здравствует, что девушка жива
что август называется «хороший»
что слабый воск прозрачного лица
и шёлковая ласточка при встрече!

В словах стиха проводим наши дни
похожие на бывшие картины
где ангел шелестит, как кипарис

точней – как Божья мысль о кипарисе

Глава 9

Кто ходит в Рим, кто в Азию живёт
кто Манделштам за то, что понимает

про дерево, по имени *Растёт*
и про любовь, по прозвищу – *Бывает*

Кто проше днём, кто ночью знаменит
кто хочет Крым, трёх девушек, собаку –
над ними Бог, как бабочка, сидит
и светит свет на эту вот бумагу

Родной язык, невидимый на вид
тогда горит
– чем дольше, тем быстрее –
и сам себе, как старший, говорит
о царской тишине-гиперборее

Там книга, стихотворная внутри
лежит с бесшумным шелестом на троне
и весь язык, покуда не умри
хранит меня в её огромной кроне

Сгорит библиотечный листопад!
затянется помётом пепелище!
а деревянный ангел наугад
чем лучший ученик напишет чище

Смешав чернила, мёд и молоко
расправив кипарисовые крылья
он будет петь легко и далеко
от вечера античных облаков
до утра золотой славянской пыли

Глава 15

Приснится бородатая кифара
что мы глупы и смотрим Коктебель
где речь ложится в ночь
как в детскую постель
и бродят золотистые отары

У самых губ шевелится волна
теплет тишина береговая
и если есть подводная страна –
давай не жить, такой страны не зная

Давай грустить на маковый закат
и дыма христианские отрепья
пока в неторопливый листопад
струятся водянистые деревья

Оттуда не вернёт моя строка
здоровье, деньги, девушку и счастье

Но дрогнет деревянная рука...

и с хрустом –
загорится –
на запястье!

Глава 16

В твоих устах перерастая сад
я лягу в нём, антично бородат

чтоб спать в Крыму
и видеть сон плохой
где все смеются над моей рукой

но кто во сне витийствовать горазд –
тот никуда Элладу не отдаст!

*(Поэма «НОВАЯ ЭЛЛАДА» опубликована в книге «Для тех, кто спит». М., Новое
Литературное Обозрение, 2003.)*

Из книги «КИТАЙСКИЙ ДЕСАНТ»

*Маленький робот играет в листву:
«О, поклонись моему божеству –
действие станет бессонным Китаем!
днём четверга! позолоченным чаем!».
Маленький робот, мы повторяем,
мы повторяем, мы повторим:
«Встанут деревья русским Китаем,
словно во сне после школы гуляем,
мы пролистаем всё, что читаем –
в листьях осенних Иерусалим!».*

(15)

Вот был сон
о твоих словесных страстях,
почти
утраченный за день,

неуслужливый,
золотой. Ты
всё ещё чувствуешь,
чуть-чуть не помня,

его присутствие
под ложечкой, слабую,
лишнюю (нет)
свирель-пустоту о том, как
сбегаешь вдоль

эскалатора
в Божьем одиночестве и
(обратил на это после)
тряпичной
тишине,

как вдруг:
 осень, желтоватые, осень, листья
 на площади сна,
 дымка,

детский мальчик
 лет восьми (девяти)
 с бывшим твоим рюкзачком...

– *Что ж, догнать!*
 Никакого нет,
 мальчика нет,
 ты как если скользишь

давней улицей, где
 Симферополь,
 булыжник,
 афишная, видишь ли, тумба

по линии к телецентру,
 не вовсе напротив
 проходного двора
 и дворов,

серых ступенек,
 чёрных
 (железных куда-то)
 перил.

Понимаешь, что мальчик
 был Аполлон Безобразов,
 потом:
 что он был по себе –
 Филострат...

Возвратиться проснулся,
 подумал: ведь
 Безобразов-не-Филострат –
 спокойная тема дня

для Китай-разговора.
 Для
 разговора.

(Опубликовано в журнале «Textonly» №14, декабрь 2005)

(74)

Ольге Мартыновой

Запишем, китайский товарищ,
 как нам говорить повезло:
 «Худой зов воздуха
 и хлипкое лицо
 в июльский полдень лип,
 в обеденное время

с плотными от золота рюмочками глаз,
 полными разноцветных слёз
 и музыкально-девичьей печали
 – не уверен, не уверен, что музыкально-девичьей,
 но пусть уже
 остаётся! –
 как будто смотрит ангел на меня
 сквозь крылышек из девушек-стрекоз,
 а мне смешно и мило –
 недорогая радуга-родня
 древесное лицо преобразила,
 но мы его наденем всё равно,
 как будто пьём невинное вино
 и говорим о родине вполсилы,
 пока в траве сидящий дурачок
 хранит билет на западо-восток
 и бьёт врага огромною коленкой...»
 «Не знаю, – сказал мне китайский товарищ, –
 прошу помилования, но я, действительно, не знаю,
 что вам и ответить на это,
 невидимый крымский поэт,
 и никто не знает...». И никто
 не знает.

(Опубликовано в альманахе «Новая Камера хранения», выпуск №13, 03.06.2007)

(87)

Здесь начинается китайская поэма
 про то, что всё вокруг –
 китайская поэма,
 где читатель не знает,
 чья это как будто работа,
 только есть в этом –
 жёлтое,
 жёлтое что-то,

ведь в Китае, бывает,
 болит от дождя голова,
 и в далёком за чаем
 вечером Китае
 любовно болеют,
 играют
 в золотистые ласточек-дочек,
 в дорогие чайнок
 слова.

А ты думал за чаем,
 что нет,
 не играют в слова?
 Уверяю тебя,
 что, конечно,
 читатель,
 играют! И глазами,
 как дочки и птицы,
 друг другу

моргают,

и негромко друг другу,
как тёплые деньги,
несут –
 в знак сияния будущих
громких и ангельских труб –
 стихотворные слепки
для губ.

«Добрый вечер, –
 друг другу в стихах говорят, –
нам не нужно домой
на последний трамвай
 торопиться,
если липа прилипла
плакучего цвета к стеклу,
 если липнет чайника
 к упавшей на блюде реснице,

если золотом чайная склеена чашка
навек,
 если к мокрому дождику
хилая ласточка снится,

 если вечер сегодня, а завтра –
четверг:
добрый вечер, а может, и ветер...»

Говорят
 на китайском своём языке
(на закрытом в словах сквозняке),
словно птицы от боли поют
 голова вдалеке
или мёд растворён в молоке –

на холодном за чаем, но сладком стишке,
 непонятном, как ход муравья
по руке,

на звящем китайском тебе языке
 (от печальной Тавриды тебе
вдалеке),
словно мёд в ледяном
молоке.

 Ну, а русский –
понятен язык,
потому, что от мамы
 послушать ребёнком
в шелестении розовых гласных
 слишком просто
привык напрямик.
 Непонятно китайское слово.
А славянское слово –
 понятно.

И сегодня коснуться
 для мякоти столбиков пальцев
 приятно –

в форме лиственной книги
 или чашки, а может:
 закладки в тетрадке –

и сегодня потрогать занятно,
 то, в чём русские наши слова
 не умеют ждать связного праздника
 горьковато-которых стишков
 (или праздника якобы осени
 в лучшем ласточек месяца возрасте
 очень слабого, стало быть, августа),

просто ждать не умеют они –
 т́ак,
 как праздника желтоволосого,
 желтоглазого дворника солнышка
 (желтоватого солнца луны,
 отмыкавшего детские сны),
 ожидать
 горьковатого праздника
 в стороне шелестящих ветвей
 (желтоликого позднего узника
 тёплой осени августа месяца),
 ждать-пождать
 шелестящего праздника –
 на словах
 собираешься
 ты.

То есть, ты –
 от плывущей листвы,
 от двоящихся
 сеток дождя
 ожидаешь, как ветка, его,
 а слова –
 не умеют его:
 от листвы и дождя не умеют,
 не умеют в тетради ждать праздного
 ни приюта,
 ни осени августа.

Осень августа.
 Синева: желтком,
 белым – облако,
 жёлтым –
 листья тополя,
 белым –
 дом...
 Видишь?
 вот почему
 молодятся одними стихами
 водянистые
 ласковых

где-нибудь дочек
и желтеющих строчек
слова,

значит, вот почему
молодые стихами слова
для тебя: в голове –
голова,
где слова –
дорогая дождями,
непослушная Богу всегда,
молодая пастушка-вода:
она, конечно, дура, но у неё хорошая фигура
(в двойном течении
ленивицы-реки,
подсвеченном то облаком,
то рошей),
а стишки для тебя –
ерунда в голове,
а затем –
господа,
господа!

И поэтому всё
для тебя это как бы волнует,
словно скачут монголы
пыльным домом дымящих,
драгоценных степями копыт
на огромном, как ханское знамя,
постаревшем стихами,¹
не от нашего Бога востоке...

И поэтому всё
для тебя это всё удивляет,
удивляет. Волнует.
Тревожит. Пугает.
Тебя. И вообще,
вот они –

СТИХИ,

которые качаются в словах,
на рисовых ресницах
сходят в сон,
тают у тебя на плечах,
путаются в бороде,
часто капают плавные
с кончиков пальцев... А ты,
вместо того чтобы рассердиться
и в словах,
как в холодной шипучей воде,
замолчать
(как в воздушной воде-газировке
христиански античная рыба),

хочешь выбрать

¹ увы!

не все и немного
 не из самых счастливых,
 не из самых прозрачных
 стишков,
 и надуть, как воздушные шарик,
 эти слабо, неясно и нежно –
 нет, не волны уже,
 а стишки!

хочешь правильно выбрать губами
 (и своими губами, и дочек:
 не ногами –
 всего лишь губами,
 потемневших в болезнях простуд
 из-за лёгкой короткой одежды),
 хочешь выбрать одними губами
 ты размытого типа стишки,
 их наполнить дыханьем
 тепла своего головы
 и надуть, как воздушные шарик,
 чтоб ступнями пойти в темноте
 до угла наугад прогуляться,

как ребёнком из дома гулял
 (а позднее – стишки сочинял),

по вечерней и маленькой улице,
 пересыпанной листьями
 жёлтыми, красными,
 иногда –
 шоколадными,
 а то и почти –
 зелёными,
 переложённой листьями улице:
 ты по ней, ты один
 со стишками,
 ты, как ветка,
 шумишь в темноту.

Это ты в основной темноте,
 вместо того,
 чтобы убийцей разозлиться
 и своими словами
 в стихах,
 как в дырявой шипучей воде,
 перекошенным ртом замолчать,
 как в дождя жестяной газировке,
 как в полуночным холодом севера
 серебристо блестящей воде,

похожей на плоское лезвие
 серьёзного для сердца
 и финского ножа –

когда устройство,
 колющее в сердце,
 не объяснимо ни газетой,

ни мольбой –

рассердиться и замолчать
в стихках,
придуманных
для точного молчанья,
как выдумано сердце
для точного удара,
как вода придумана для волны,
а рыба –
для христианства,

так вот же, вместо этого, пустого,
на влажную листву похожий не рукой,
ты хочешь выбрать ряд соединений
по смыслу смутных слов посредством ритма
из числа сыроватых,
размытых стихков,

из вытесненной части
некоторого количества
твоих собственных
не самых сильных созданий,
из белых и больничных облаков,
из кожи, из царапинки,
из крови,
неплотный ряд плохих соединений
водянистого качества цвета,
и надуть их,
как воздушные шарики,

эти больные, невольные, мягкие,
уязвимые кожей своей,
в кошачьих царапинах, в ссадинах,
в комариных расчёсах укусов,
эти легчайшие тела-инструменты
для разумения слов
и для нежности к каждому слову,
дабы наполнить их
как бы клубами дыма,
во сне мерцающего на весу,

для того,
чтоб хватило свободы
ненадолгого времени сна
по миллиметрам проходить этот вечер
с помощью внутреннего дыхания,
в котором тепло –
твой председатель Мао,
твой генеральный секретарь Леонид,
твой драгоценный учитель Кун,

чтоб голова болела, как живот,
чтоб дыханьем, от боли недлинным,
чтобы собственной силы
приоткрытым губами дыханьем
(словно дует Чет Бэйкер

в плакучую мёдом трубу,
 протирая протяжной балладой,
 как фланелевой тряпочкой мягко шафранного света,
 то витрины ночных европейских,
 опустевших во сне про войну
 от весёлых, воскресно одетых,
 танцевальных людей
 городов,
 то хрустальных изделий любых
 на Земле дорогую посуду),
 равномерно надуть бы
 слова от размытых стишков,
 как воздушные малые шарики
 удалённого детства тебя,

чтобы листья катились
 волной глубины желтоватой
 (плещет длинная сила волны –
 и осенних ночей
 неживой керосин
 угасает...),
 чтобы листья по веткам деревьев
 протекали волшебной волной
 над хвостами животных зверушек,
 ненаглядных в своей красоте,

чтоб листва, как вода, шелестела,
 проплывая древесно-китайской,
 жёлто-жёлтого обликом цвета
 и невидимой внешностью рук,
 рукавами из мягкого шёлка
 и одеждой прохладно-большой,
 как в халате плывущей,
 рекой –
 над хвостами зверьков драгоценных,
 над народами кошек твоих,

чтобы медленной шага походкой
 миллиметрами вспышек идти
 в бирюзовой такой темноте
 к случайно-белому углу
 от света фонаря,
 сырое, пресное созвездий серебро
 глазами в темноте,
 как будто бы губами,
 перебирая,
 перебирая,

чтоб перегнать передовых
 всех небольших котов и кошек
 (дворово-дорогих),
 со всеми их улыбками –
 ведь звери улыбаются! –
 с их марсиански прекрасными хвостами и усами –
 ведь кошки, как лазутчики,
 заброшены из космоса!
 чтоб звёздно-городских котов и кошек

быть пропущенным впереди идти,
 как ребенком из дома шёл на прогулку
 (а позже – сделал из этого поэмку),

чтобы идти по улице,
 которая
 сама проходит мимо
 лунного разрешения светлого цвета:
 то ли блеск переполнен
 косящим китайским дождём,
 то ли волны луны
 выпукло
 перевиты –

только светится вглубь
 светлый цвет красоты,
 сквозь который ты ступаешь
 воплощёнными ногами,
 когда идёшь по улице
 один, как бывший царь –
 кто бросил золото земное в пыль, земное,
 почти не дрогнувшей, не дрогнувшей рукой!–
 и ценишь ты котов,
 залитых лунным светом
 (ах, восходит к звёздам кот:
 он – усатый!
 он – вперёд!),
 и своими детскими словами –

ты,
 на лунную радость дворовым котам-космонавтам,
 на лёгкую радость слетающим листьям с ветвей,
 ты –
 своими слабыми для Пушкина стишками,

как древесные окончания веток,
 производишь негромкий
 шум ветвящихся ливнями слов
 в нелюдимо от тёплых людей –
 краснокровных, нетвёрдых людей! –
 в нелюдимо теплом темноте...

Чтоб пойти в темноту,
 будто в детстве
 пойти погулять
 (от бороды – до родины орды, где бьётся голубь –
 золото-почтовый),
 ширóко-мокрый шёлк
 разглаживая, разглаживая
 руками
 пальцев,
 подражая движениям веток,
 их небольших краёв
 в листьях осени мокрого шёлка,

повторяя дождливо
 поведение маленьких веток,

шелестящих, как эти стихи:
 однообразно, ритмично,
 прерывисто,
 неритмично,
 в рифму, нет,
 свободным стихом,
 ни о чём, обо всём,
 словно дождь
 шелестит многословно,
 скучно, не скучно –
 говорит по словам, по листве:
 полнословные капли дождя,
 словно эти стихи,
 шелестят,
 водянистые
 эти
 стихи,
 словно капли дождя,
 словно ветер
 в намокшей
 листве,

чтоб пойти погулять китайчком,
 чтоб увидеть глазами
 (двумя)
 золото павших
 и тёплое олово спящих –
 на расстоянье травы,
 в темноте шелестящей
 листвы,

чтоб пойти погулять
 китайчком с живым языком –
 умных птиц
 золотым дураком –
 ты надуешь стишки, словно шарики,
 после самого чайного праздника,
 словно сонный и важный
 гуляет ребёнок
 в позабытом своём букваре,
 где по-русски
 кричат одноклассники
 здесь, на улице
 и во дворе.

Эй! любимый язык
 не умрёт –
 замурлыкает
 кошка-язык!

кошконавты в мохнатых скафандрах
 перекрестят хвостами
 стихи!

Слушай:
 русский язык не умрёт
 в Симферополе

или
 во сне –
 будет всё хорошо

в жёлтом шорохе
 мёртвой
 листвы!
 Желтоватая бледность

листвы

 прошумит по углам
 букварями!

Твой язык:
 он стихами
 осыплется здесь –
 ты родными словами
 останешься здесь –
 к пересыпанной листьями
 улице
 наклониться
 попробуешь ты
 в мягкой гибкости
 брата-кота,
 со стихками пойти
 по больному пути –
 но стихков без тебя
 не найти
 (не стерпеть на голодных губах
 водяной волапюк Полякова),
 влажных слов всё равно не увидеть
 из дождливой сырой темноты,
 где ты
 один
 идёшь по улице,
 словно –
 не ты,

словно вбок шелестящая тень
 веток дерева,
 ног человека
 скользит по улице твоей,
 дрожит, как будто бы
 своим летает горлом
 в стеклянной сфере
 мёртвый
 соловей,

а тень по улице –
 копиркою измятой
 слетает в сторону
 (как мёртвый соловей),
 луной приподнята
 над листьями асфальта
 на сотню миллиметров городских,
 когда желтящий лист –

милее человека,
а пальцам нет стекла –
моложе, чем вода...

...деревья молодит
длинноволосый дождь
и ветви объявляются ручьями:
вся в осени ветвей
усталая листва,
и снова снов твоих подклеенная лента
просвечивает дымом
и дождём,
и вновь опять –
любимая, как в детстве, костяная голова
моргает над размокшими нетвёрдыми плечами,
и ветви –
(повторю и повторю)
своеобразно притворяются древесными ручьями:

кто притворяется ручьями?
ветки, ветки!

а ты идёшь
рядом с деревьями,
где птицелетающий воздух
красив, как читающий лев,
где глиняной листвы
потрескавшийся круг
и соловья кочующая пропасть,
где Тополь-Симферополь до утра
покачивает улицы и люди,
где Чаадаев –
в сердце бесноват,
а Лао-цзы –
прекрасен
и не будем!

где возможно
от кошек послушать,
то, что скоро
вернётся Христос –
они докажут нам, мяукая, мурлыча
(хвостами до созвездий доставая,
из августа на Марс перебегая),
что мы споём
~~о Боге по-китайски~~
о Логосе –
по-русски,
пускай во сне –
но всё-таки –
споём!

а ты идёшь
с золотыми деревьями осени рядом,
где только лишь китайская сосна
безногим с детства горе-инвалидом
на празднике в деревьях

веселий городских
 не знает листьев,
 падающих вниз:
 её иголки – кóлки,
 но это нам не девичьи заколки,
 не закоулки
 девичьих волос!

Тогда на взгляд себя,
 раскосого от слёз,
 ты всё-таки выйдешь, как кошка,
 из родителей в старости дома,
 от домашнего солнца свечи
 прогуляться по берегу
 осени августа,
 тонким берегом крепкого краешка
 в виде месяца августа,
 о,

 чтобы всякая осени августа
 сладковато-древесная тень,
 как сестра в полусне наклонилась
 (виновато-красивая тень),
 половинки платанов тебе принесла
 или целые розы
 цветов

и напрасно легко согласилась
 (сладковатого дыма сестра),
 что вот это гуляет ребёнок,
 знаменитый на всю темноту,
 китайчонок стихами,
 Андрей,
 из теплеющей корочки плоти
 и медлительных капелек крови,
 между листьев и улиц ветвей
 позабывший,
 забывший, забывший –
 для чего он сюда
 приходил?

(Опубликовано в журнале «РЕЦ» №46, август 2007)